

Р.Ю. Царёв

«МАКРОИСТОРИЯ» РЭНДАЛЛА КОЛЛИНЗА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Анализируется ряд основных методологических принципов, на которые опираются исследования Р. Коллинза как одного из виднейших представителей современной исторической макросоциологии. Указывается, что ключевые проблемы социально-исторической динамики решаются им с привлечением фундаментальных принципов философии и методологии науки, что выводит социальное познание на высокий уровень теоретизации, без которого оно не может выполнять функции объяснения и предсказания.

Ключевые слова: историческая макросоциология; научно-исследовательская программа; теоретическая история; структурная история; общие исторические законы; нелинейные исторические процессы.

Рэндалл Коллинз, несомненно, относится к числу крупнейших социальных теоретиков современности. Российскому научному сообществу он знаком, прежде всего, фундаментальным трудом «Социология философий», который посвящен реконструкции истории философии как процесса роста и взаимодействия интеллектуальных сетей во времени и пространстве [1]. Теперь же появилась возможность благодаря не менее фундаментальному исследованию «Макроистория» оценить вклад Р. Коллинза в развитие исторической макросоциологии и социального познания в целом [2].

В этой работе с авторских позиций предложена трактовка целого ряда ключевых проблем социально-исторической динамики. К их числу относятся рост и упадок государств, геополитические процессы в их связи с революциями, разновидности этнических процессов, модернизация и демократизация, развитие и кризисы рыночной экономики и ряд других. Все эти проблемы составляют ядро исторической макросоциологии – мощного и стремительно развивающегося направления современного социального познания.

Прежде всего, обращает на себя внимание широта взгляда автора «Макроистории». Поскольку исследуемые им процессы имеют долгосрочный и глобальный характер, Р. Коллинз стремится выявить универсальные исторические тенденции, присущие обществам различного типа. Такой уровень обобщения с неизбежностью ведет его к созданию теоретической модели социально-исторической макродинамики. Ее обоснование опирается на могучую традицию социального познания, берущую начало от К. Маркса и включающую в себя знаковые для социальных наук XIX–XX вв. фигуры – прежде всего, М. Вебера, а также Э. Дюркгейма.

Судя по «Макроистории», на формирование идей Р. Коллинза оказал значительное воздействие целый ряд парадигм исторической макросоциологии. К их числу относятся теория революций как государственного распада (Т. Скочпол, Д. Голдстоун), теория военно-ресурсной траектории развития государств (М. Манн, Ч. Тилли), миротемный подход к истории (прежде всего, идеи И. Валлерстайна), исследования геополитических процессов (А. Стинчкомб, Дж. Модельски). Подтверждением этого служат и слова самого Р. Коллинза о значимости именно этих аналитических инструментов [2. С. 37]. Он синтези-

рует основополагающие идеи данных парадигм и выдвигает на этой основе собственные оригинальные, эмпирически обоснованные теории. Детальный анализ теоретических построений Р. Коллинза представляет собой предмет отдельного разговора, и даже не одного, в данном же случае сосредоточимся на ряде их методологических оснований.

Отношение к идеям Р. Коллинза в западных и отечественных социальных науках выражается, с одной стороны, в их теоретическом осмыслении, с другой стороны, их применении для постановки и решения конкретных исследовательских задач. В рамках теоретического осмысления можно выделить несколько аспектов.

Во-первых, дается общая оценка вкладу Р. Коллинза в развитие макросоциологии. С. Сандерсон, характеризуя ее предмет, отмечает, что его образует не только изучение отдельных обществ в их целостности, но и цивилизаций, а также мировых систем в широкой сравнительной и исторической перспективе в течение очень длительных периодов времени. В числе одного из ключевых представителей макросоциологии, выведших социальное познание на высокий уровень теоретизации, он называет Р. Коллинза [3. Р. 592].

В отечественных социальных науках столь же высокую и в то же время значительно более детальную оценку дает Н.С. Розов. Разрабатывая методологию теоретической истории как исследовательского направления, он отмечает ряд удачных, на его взгляд, исследовательских стратегий, к числу которых относятся и исследования Р. Коллинза. Основными его достижениями Н.С. Розов считает отказ от узкого эмпиризма в социальном познании, стремление к обоснованным фактами широким теоретическим обобщениям, значительный объяснительный и предсказательный потенциал его теоретических схем, а также синтез теорий сквозь призму базовой теоретической схемы самого Р. Коллинза [4. С. 282–284]. В силу значимости анализа Н.С. Розовым теоретических положений Р. Коллинза, к взглядам Н.С. Розова мы обратимся более детально впоследствии.

Выдвигая близкие этим соображения, А.А. Изгарская, в то же время, особо акцентирует внимание на динамизме теоретических построений Р. Коллинза, заключающегося в преодолении появляющихся фак-

тов-аномалий, уточнении и дополнении исходных теоретических положений [5. С. 102]. Вследствие этого она делает вывод, что благодаря Р. Коллинзу «геополитика становится зрелой наукой» [Там же. С. 119], поскольку его теоретические построения соответствуют всем современным стандартам научности знания [Там же. С. 154].

Во-вторых, нельзя обойти вниманием и оценки собственно труда Р. Коллинза «Макроистория». Дж. Гудвин отмечает, что для научного творчества Р. Коллинза характерно постоянное расширение горизонта предметных тем и теоретических проблем, что находит свое выражение и в «Макроистории». Связующим звеном всех этих тем является важность геополитики как для развертывания макроисторических процессов, так и для социологического анализа, поскольку геополитика слишком важна, чтобы ее упускали из вида социологи. Впрочем, Дж. Гудвин тут же заявляет, что Р. Коллинз занимается лишь переработкой своих же старых идей, не внося ничего принципиально нового в пространство собственных теоретических интересов [6. Р. 72–73].

Это последнее соображение не вполне соответствует действительности, поскольку Дж. Гудвин избирает слишком узкий ракурс рассмотрения идей Р. Коллинза – это теория революций, тогда как макроисторические идеи Р. Коллинза только к этой, безусловно, важной теме не сводятся. «Переработка» же Р. Коллинзом старых идей – это, скорее, их корректировка в связи с новыми фактами, на что справедливо указывает А.А. Изгарская. Кроме того, в отличие от С. Сандерсона и Н.С. Розова, Дж. Гудвин вообще не отмечает вклада Р. Коллинза ни в развитие исторической макросоциологии, ни в теоретизацию социального познания. Методологические же аспекты теоретических построений Р. Коллинза Дж. Гудвин вообще обходит стороной.

В этом отношении В.И. Разумов, давая оценку «Макроистории», высказывает более взвешенные соображения. Прежде всего, он отмечает ряд проблем, присущих социальному познанию – теоретические разработки зачастую недостаточно обоснованы фактами, иные исследования базируются на обширном фактическом материале, но избегают объяснений и, тем более, прогнозов, недостаточное число исследований междисциплинарного характера. В этом смысле труд Р. Коллинза заслуживает особого внимания в силу того, что автор создает эмпирически аргументированную теорию, дает объяснение фактам, развивает новый методологический инструментарий с выходом на уровень номологии, делает обоснованные прогнозы [7. С. 98].

В-третьих, представляют значительный интерес соображения исследователей, касающихся трактовки Р. Коллинзом исторической причинности. Уже упомянутый С. Сандерсон отмечает, что для Р. Коллинза характерен довольно эклектичный взгляд на причины исторического развития: тезис о многомерности причинных сил в истории сочетается с подчеркиванием значимости геополитического фактора [8. С. 69]. Другие исследователи отмечают иной аспект: в «Социологии философий» Р. Коллинз реализовал весьма

спорный подход, поскольку сделан акцент на социальном взаимодействии в рамках сетей интеллектуального творчества, что позволяет говорить о структурном детерминизме в истории, несколько обедняющем реальную картину [9]. Обе эти оценки, как будет видно впоследствии, имеют под собой весьма веские основания.

Что касается применения идей Р. Коллинза, здесь можно выделить два ключевых аспекта. Во-первых, ключевые положения его геополитической теории становятся, например, для Дж. Тернера основанием для исследования универсальных систем геополитического и геоэкономического господства применительно как к историческим, так и современным ситуациям [10. Р. 50]; российские исследователи применяют геополитическую теорию Р. Коллинза к изучению социально-исторических процессов в современном мире [11], а также и к современному российскому государству [12]. Во-вторых, Р. Ханнеман [13] и П.В. Турчин [14. С. 53–60] осуществляют преобразование геополитических принципов Р. Коллинза в математические модели с целью стимулирования создания социальной теории, установления связей между теорией и исторической наукой.

Таковы некоторые, наиболее значимые оценки исследований Р. Коллинза, о некоторых из них речь еще пойдет в дальнейшем. Безусловно, они отличаются степенью глубины и объемности, что обусловлено научными интересами конкретных исследователей, уровнем методологического самосознания. Вместе с тем следует отметить, что в этих оценках, в том числе у Н.С. Розова, не акцентируется важный аспект – какую структуру должно иметь современное социальное познание, чтобы адекватно выполнять свои гносеологические функции.

Возможно, социальное познание следует представлять как совокупность трех взаимосвязанных уровней. Верхний уровень образуют философские (холизм, принцип всестороннего анализа), общенаучные (системный подход, кибернетические представления, теория вероятности), естественно-научные (синергетика) компоненты, выполняющие роль метатеории по отношению к социальному познанию, из которой оно при необходимости может черпать методологические средства с учетом собственной специфики. Средний уровень составляют собственно социальные теории, отображающие и объясняющие динамику социальной системы в целом или отдельных образующих ее сфер, что предполагает применение соответствующей предмету познания методологии. Нижний уровень образует решение конкретных проблем, если принять во внимание направленность социального знания на проектирование и конструирование общества. Необходимость метатеоретического уровня объясняется тем, что социальное познание не может существовать только на собственной основе, отгородившись от современных научных представлений и форм организации знания, не может отказаться от объяснения социальных процессов путем поиска законообразных обобщений, хотя это и связано со значительными гносеологическими трудностями, не

может находиться за пределами современной научной рациональности.

В этой связи специфика макроисторических исследований Р. Коллинза как раз и заключается в том, что он воплощает в своем научном творчестве весьма значимую тенденцию – привлечение в социальное познание принципов современного научного мышления, что способствует росту теоретического потенциала социального познания, формированию его нового методологического самосознания. Проявляется это, во-первых, в том, что в «Макроистории» присутствует представление об особой организации социального знания в форме модели научно-исследовательской программы, обоснованной И. Лакатосом, а, во-вторых, в реализации в социальном познании ряда современных научных представлений. Рассмотрим последовательно эти аспекты.

Анализируя теоретические построения Р. Коллинза, Н.С. Розов приходит к выводу, что ядро его программы образует положение о легитимности государства, простирающего свою власть над определенной территорией; «тело» программы (основные теории) составляют принципы геополитической динамики государств; в состав защитного пояса входят положения о роли коммуникаций и усилий по их поддержанию, значимости дипломатических альянсов. Наконец, положительную эвристику формирует идея ведущей роли геополитики по отношению к тенденциям различных сфер социальной реальности [4. С. 271–276].

Справедливость этого анализа легко подтверждается обращением к идеям Р. Коллинза, представленным в «Макроистории». Он утверждает, что ключевую роль играет принцип легитимности, который складывается из легитимности лидера государства, всего институционального порядка. Однако и то, и другое – лишь переменные, зависящие от другой переменной – «межгосударственного престижа могущества», вызывающего сдвиги в легитимности правителей и их государств [2. С. 98–99].

В этой связи Р. Коллинз обосновывает тезис, что среди комплекса факторов, детерминирующих динамику социальных систем, решающим выступает геополитика. Он формулирует пять принципов долгосрочной геополитической динамики государств, от которой зависит положение конкретного государства на межгосударственной арене [Там же. С. 82–89]. Эти соображения дополняются тезисом о значительной роли динамики рынков в мировой истории, устанавливается ее связь с геополитикой. Р. Коллинз указывает: «Рынок, зависящий от геополитики, терпит неизбежные переломы, его рост обращается вспять, по мере того, как расходы на военную мощь чрезмерно нарастают в связи с подъемом сопротивления, с которым приходится сталкиваться. Кто живет благодаря геополитике, тот и погибает от геополитики» [Там же. С. 334]. В этой мысли представлена одна из идей защитного пояса программы Р. Коллинза – значения военных расходов как переменной, от которой зависит поддержание геополитической мощи государства. Наконец, к числу значимых факторов динамики мировой истории он относит также демографи-

ческую динамику и экологическое давление, указывая, что возможно сочетание действия всех факторов исторической макродинамики [2. С. 60, 304].

Положения ядра и основных теорий программы Р. Коллинз применяет для исследования процессов в сфере политики, экономики и культуры, что образует положительную эвристику программы. Им выстраивается комплекс взаимосвязанных гипотез, согласованных с положениями ядра и основных теорий и не противоречащих известным фактам. К их числу относятся следующие гипотезы:

- геополитическая теория революции как государственного распада, в которой предпринимается попытка выявить универсальные предпосылки любых политических революций (ее принципы апробированы при предсказании распада СССР, осуществленно-го задолго до этого события);

- государственно-центрированная, геополитическая теория этничности и этнической динамики, в которой вновь делаются широкие исторические обобщения, сводящиеся к выявлению «балканизации» и «американизации» как двух типов этнических процессов, выявляются условия их возможности;

- геополитическая теория демократии как совокупности структур коллегиальной власти, обоснование реальности которой осуществляется не только применительно к современности, но выявляются ее предпосылки в рамках политических структур Средневековой Европы;

- «четырёхмерная» теория модернизации, положения которой применяются к развитию Германии и анализируются геополитические предпосылки утверждения нацизма;

- теория рыночной экономики и динамики рынков различного типа в истории, выступающая в качестве альтернативы марксовой теории общественно-экономических формаций;

- теория «самотрансформирующегося капитализма», применяемая для исследования пути Китая и Японии к капитализму и отрицающая принадлежность капитализма только к западной цивилизации.

Следует сказать несколько слов о геополитической теории революции как государственного распада, поскольку она занимает особое место среди всех теоретических схем Р. Коллинза. Центральным пунктом данной теории является явно пришедшая из концепции миросистемного анализа И. Валлерстайна идея, согласно которой внутренние изменения национальных государств следует объяснять как вытекающие из эволюции современной миросистемы и процессов взаимодействия в ней [15. Р. 7]. В соответствии с этим соображением Р. Коллинз утверждает: «В важнейших отношениях все социальные единицы конституированы извне внутрь», следовательно, необходимо следовать путем «объяснения государств через их межгосударственные отношения, иначе говоря, через геополитику» [2. С. 31].

Экстраполируя этот тезис на теорию революции, далее он указывает: «Легитимность правителей государства проистекает в значительной мере от того, как народ чувствует геополитику и ее влияние на свое государство. Расширяющиеся посредством войн госу-

дарства и завоевавшие престиж на мировой арене деятели повышают легитимность в своей стране и даже помогают создать легитимность на пустом месте. Напротив, государства, испытывающие геополитические затруднения, не только соскальзывают к фискальному кризису и государственному распаду, но и обуславливают эмоциональное снижение, которое вызывает делегитимацию. Геополитика ведет к революции по обоим тропам – материальной и культурной» [2. С. 35].

Это утверждение позволяет сделать вывод, что Р. Коллинз рассматривает геополитику как причину наступления революции, поскольку внешние условия порождают определенные внутривластные процессы. На самом деле, геополитика является, скорее, одним из факторов, о чем говорит и сам Р. Коллинз, но не причиной: внешнее напряжение может актуализировать длительное время формировавшиеся противоречия между различными социальными силами, обострить эти противоречия, подтолкнуть к их разрешению, но не создать их.

Действительно, Английской революции середины XVII в. и Великой французской революции конца XVIII в. предшествовали войны, породившие глубокий фискальный кризис государства, в обоих же случаях имели место и два других компонента революции как государственного распада, о которых говорит Р. Коллинз – конфликт элит и народное восстание [Там же. С. 55]. Однако причиной этих революций стала все-таки не геополитика как таковая, а нежелание или неспособность правящей элиты понять происходящие в обществе изменения, выработать адекватную стратегию реагирования на них, результатом чего и явилось ее отстранение от власти революционным путем. Поражение Российской империи в войне с Японией стало не причиной революции 1905–1906 гг., а спусковым механизмом взрыва недовольства политикой правящей элиты, которое сложилось задолго до этой военной неудачи. Равным образом неблагоприятный военный фон Февральской революции 1917 г. не был ее причиной, поскольку устои политической системы и до этого испытывали напряжение по внутренним причинам, что и способствовало наступлению революции.

Дж. Гудвин справедливо отмечает, что геополитическая теория Р. Коллинза упускает из виду те случаи, когда революционные силы «снизу» использовали государственные распады в своих интересах. Фактически Р. Коллинз не признает, что некоторые государства (Куба, Иран, Никарагуа) рухнули из-за мобилизации населения: народные массы не воспользовались существовавшими ранее государственными кризисами, а сами создали политические кризисы, которые были усугублены политикой диктаторов. В то же время эти диктаторы не подвергали свои государства нагрузкам, вследствие которых, по Р. Коллинзу, наступают революции [6. Р. 73].

Другими словами, речь идет о проблеме соотношения внешних и внутренних факторов развития: какие из них являются решающими и существуют ли таковые вообще, в какой степени внутренние факторы являются производными от внешних, не следует ли

признать наличие внутренних факторов, которые оказывают существенное воздействие на развитие государств, но при этом не могут быть сведены к внешним факторам.

Наконец, впечатление связи построений Р. Коллинза с моделью И. Лакатоса усиливается тем, что Р. Коллинз акцентирует проблемные случаи, противоречащие теории, что вынуждает скорректировать ее основные положения. Следовательно, теория не может автоматически считаться ложной, если имеют место опровергающие ее факты: «При работе со сложными процессуальными моделями с обратными связями между внутренними процессами и внешними отношениями среди государств, никогда нет простого и четкого статистического принятия или отвержения всей модели целиком». И далее: «Это не значит, что отдельные компоненты модели не могут быть фальсифицированы данными, но сопротивление фальсификации в пошаговом анализе не является главным способом построения правдоподобной макроисторической модели» [2. С. 109]. И, по словам И. Лакатоса, исследовательские программы способны долгое время сосуществовать друг с другом, а не отбрасываться при первом же столкновении с противоречащими им фактами [16. С. 432–433].

Однако Н.С. Розов подчеркивает, что «Коллинз – теоретик, но не методолог. Он не ставил сам сознательно задачу формирования широкой программы исследования социально-исторической реальности в аспекте геополитики», но широта охваченных Р. Коллинзом аспектов исторической макродинамики «позволяет говорить об имплицитной программе разрывания геополитической теории» [4. С. 271]. Н.С. Розов также утверждает, что Р. Коллинз не знаком детально с научной методологией И. Лакатоса [Там же. С. 275].

В этой связи стоит отметить, что проникновение принципов философии и методологии науки в сферу социального познания может осуществляться, скорее всего, двумя путями. Первый путь заключается в том, что в ходе социального исследования обнаруживается невозможность чисто эмпирическим путем решить поставленные задачи, и поэтому выход на уровень теоретической организации знания осуществляется без сознательной рефлексии над этим процессом. По этому пути, возможно, и шел Р. Коллинз, поскольку в его «Макроистории» модель научно-исследовательской программы фактически реализуется, однако он ни разу на страницах своего труда не ссылается на И. Лакатоса и не упоминает понятия «научно-исследовательская программа».

Второй же путь предполагает сознательную, целенаправленную рефлекссию над возможностями теоретических средств философии и методологии науки применительно к сфере социального познания. По этому пути и идет Н.С. Розов, поскольку обосновывает методологию теоретической истории именно как научно-исследовательской программы со всеми ее необходимыми компонентами, как это понималось И. Лакатосом [Там же. С. 139–145]. По словам А.А. Изгарской, такой подход представляет собой единственно эффективный способ конструирования

социального знания, поскольку методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса является наиболее оптимальной для социальной эпистемологии [5. С. 119].

Однако, даже если принять тот факт, что научно-исследовательская программа Р. Коллинза недостаточно эксплицирована, в ней достаточно четко проявляется содержание метатеоретического уровня социального познания, образуемого целым рядом современных научных представлений.

В трактовке всех рассматриваемых им аспектов политической, экономической, культурной динамики ведущим является представление, во-первых, о целостности социальных систем (в соответствии с этим реализуется системный подход), во-вторых, существовании в их исторической социальных систем нескольких «слоев причинности», что соответствует современным общенаучным представлениям о характере детерминации сложных систем. Кроме того, Р. Коллинз указывает, что его видение причинности в историческом процессе близко методам сетевого анализа, предполагающего исследование взаимодействий внутри сети, формирования различных конфигураций сетевых структур при изменении условий [2. С. 63].

Следовательно, системный подход синтезируется Р. Коллинзом с сетевым подходом, поскольку социальная система рассматривается как сеть взаимодействий между образующими ее элементами и процессами. Этот синтез дополняется кибернетическими представлениями о положительных обратных связях между элементами и процессами в сложных системах. Поэтому множественность причин в истории и сети обратных связей между ними порождают многообразие результатов в динамике социальных систем [Там же. С. 398]. В то же время нельзя не признать, что у Р. Коллинза присутствует противоречие между провозглашаемой множественностью причин в истории и акцентированием решающей роли геополитики, на что обратил внимание С. Сандерсон.

Тем не менее Р. Коллинз делает справедливый вывод: «Известные черты неустойчивости реальной истории, с ее странными ветвящимися паттернами и внезапными переломными моментами отнюдь не являются доказательством того, что теоретическое объяснение истории невозможно» [2. С. 400]. Эта мысль означает отрицание механистически понимаемой причинности. Р. Коллинз справедливо указывает, что случайность возникает в процессе взаимодействия сфер социальной системы в режиме ее нормального функционирования [Там же. С. 12], а также в процессе структурных трансформаций. Последние в значительной мере связаны с так называемыми нормальными случайностями в сложных системах: эти неполадки могут быть устранены по отдельности, но могут перерасти в системный кризис, когда происходят одновременно. Такие события происходят на вероятностной основе, нарастая с ростом числа компонентов [Там же. С. 100–101].

Характерной особенностью «Макроистории» Р. Коллинза является то, что в ней ни разу не употребляются понятия «синергетика», «неравновесные состояния», «бифуркация» применительно к динами-

ке сложных социальных систем, что отличает его методологию социального познания как от воззрений многих представителей отечественной социальной философии, так и западных социальных теоретиков (например, И. Валлерстайна). Вместе с тем в самой толще исторической макродинамики Р. Коллинз обнаруживает процессы, которые по определению не могут быть названы линейными.

Все эти аспекты его воззрений позволяют сделать вывод, что на методологическом уровне исследовательская программа Р. Коллинза включает в свой состав ряд современных научных представлений. Их трансляция в сферу социального познания позволила избежать представления о линейном, однозначном характере процессов в истории, хотя Р. Коллинз и не отрицает само понятие причинности. В целом же научно-исследовательские программы в социальном познании должны включать в свой состав современные научные представления. Эту трансляцию следует рассматривать не как самоцель, а как средство укрепления теоретического потенциала данных программ в исследовании социальной реальности.

Согласно И. Лакатосу, научно-исследовательская программа является прогрессирующей, если обладает предсказательной силой, что является показателем ее теоретической зрелости [16. С. 362, 437]. Этот тезис полностью соответствует программе Р. Коллинза, в которой на основе принципов геополитической динамики государств, осуществлено предсказание распада Советского Союза и всего социалистического блока [2. С. 78–130]. Успешность этого предсказания в немалой степени обусловлена теми современными научными представлениями, которые инкорпорированы в научно-исследовательскую программу Р. Коллинза.

Вместе с тем нельзя не отметить воздействие, которое оказала на его методологию социального предсказания концепция «общих законов» или «универсальных гипотез» в научном социальном исследовании К. Гемпеля, несмотря на то, что в «Макроистории» Р. Коллинз не ссылается на его известную статью. Свидетельством этой связи является убежденность Р. Коллинза в возможности обоснованного социального предсказания при соблюдении двух условий, которые акцентировал и К. Гемпель [17. С. 14]. Первое условие – наличие теории, объясняющей условия, при которых некое явление происходит или не происходит (утверждение по принципу «если – то»), второе условие – эмпирические данные о начальных условиях явлений [2. С. 108]. Р. Коллинз убежден, что при отсутствии теории предсказание превращается в ненадежную эмпирическую экстраполяцию, в силу чего для социального предсказания необходимо «теоретическое орудие», подлежащее неоднократному применению [Там же. С. 109, 111]. И, конечно, он подчеркивает, что учитывая нелинейный характер исторического процесса, предсказание даже с соблюдением всех условий имеет вероятностный характер [Там же. С. 127].

Кроме того, поскольку любое социальное предсказание опирается на знание прошлого и настоящего, их взаимосвязи, исследователь вынужден оперировать

представлением о большой длительности в истории. Несомненно то влияние, которое оказала на Р. Коллинза концепция «времени длительной протяженности» Ф. Броделя. Поэтому Р. Коллинз и утверждает: «Чтобы выявить траектории развития краткосрочных процессов, нам нужен долгосрочный – макроисторический взгляд» [2. С. 135].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что Р. Коллинз в рамках своих построений выводит социальное познание на высокий уровень теоретизации, что выражается в стремлении к объяснению фактов и явлений и предсказанию новых. Гипотезы исторической макродинамики, представленные в его книге, с неизбежностью ведут к постановке вопроса о соотношении традиционной эмпирической истории, имеющей описательный характер, и теоретической истории, предполагающей выход за рамки фактологического описания.

Описательный подход к познанию истории неоднократно подвергался критике. Достаточно указать на известную позицию И. Валлерстайна, согласно которой описательный характер социальных исследований не соответствует цели научного объяснения, поскольку подлинное понимание социальной динамики представляет собой во многом теоретическое понимание [15. Р. 9, 347]. И позиция Р. Коллинза по этому вопросу является однозначной: по его словам, «нужно не меньше теории, а больше» [2. С. 42]. Однако дело вовсе не в количественных показателях: «Нет такой вещи, как чисто нарративная, или описательная, история. Невозможно перечислять частности (particulars) без обращения к общим понятиям. Существительные и глаголы содержат скрытые обобщения (“снова еще один из таких же”). Даже собственные имена не столь конкретны (particularistic), как могут показаться, поскольку они выделяют некоторую целостность, у которой, как предполагается, есть продолжающиеся во времени контуры и которая включает скрытую теорию того, что удерживает эту “вещь” как целое...». И далее: «Кроме того, нарратив – это всегда отбор. Среди всех разных явлений, о которых можно было рассказать, лишь на некоторых сосредоточено внимание как на значительных, а сама их последовательность включает предположение о причинах следования» [Там же].

Значение этого взгляда не следует недооценивать, поскольку многие социальные исследователи, в особенности историки, с недоверием и даже настороженно относятся к возможности теоретических обобщений в их сфере познания. Основанием для этого им служит традиция противопоставления идиографической и номотетической методологий. Наиболее часто приводимыми аргументами против обобщений при изучении исторического процесса является тезис о невозможности создания устойчивых теоретических систем, истинность которых признавалась бы не только их создателями, отсутствие какого бы то ни было согласия по принципиальным вопросам, отсутствие оснований для законообразных обобщений.

В особенности актуальной эта проблема является для отечественных социальных наук, поскольку после отказа от всевластия формационной парадигмы объяснения исторического процесса, возникло пред-

ставление, что не только формационная, но и любая иная теоретическая парадигма для познания истории скорее вредна, чем полезна. Поэтому «если история как набор... социологических закономерностей (марксистского или немарксистского происхождения – не так важно), действительно, исчезает, то на смену ей должен прийти иной доминирующий тип исторического описания» [18. С. 40]. Им должно стать изучение «осколков», фрагментов с целью выявления их свойств без включения «фрагмента прошлого во все расширяющийся круг заданных некими внешними теоретическими установками внешних связей...» [Там же. С. 41].

Р. Коллинз этот взгляд совершенно не разделяет. Ярчайшим свидетельством этого служит «мысленный эксперимент» или «упражнение на теоретическое воображение» по «веберизации Маркса»: Р. Коллинз предположил, что в формационной теории все-таки содержится рациональное зерно, но ошибка заключается в том, что ключевую роль в истории играет «не способ производства и накопления, но особый тип рынка, и что именно из-за рыночной динамики каждая форма социальной организации переживает рост, кризисы и преобразование в другой тип» [2. С. 304]. На основе этой идеи Р. Коллинз формулирует теоретическую модель мировой истории, противостоящую формационной модели: вместо первобытного коммунизма утверждается наличие рынков родства, вместо рабовладения – невольничьих рынков, вместо феодализма – аграрно-принудительных рынков. Завершают этот ряд капиталистические рынки [Там же. С. 309–310]. Указывается, что все они представляют собой «идеальные типы», упрощенные модели рыночной динамики, лишенные стадийной связи между собой [Там же. С. 312–313]. Далее Р. Коллинз подчеркивает, что все же рабовладельческие рынки в реальности следует рассматривать как подтип аграрно-принудительного обмена [Там же. С. 355]. Следовательно, отказ от формационной модели вовсе не означает отказа от построения на иных теоретических основаниях моделей исторического процесса.

По словам Н.С. Розова, теоретическая история в широком смысле «охватывает все, что касается приложения теорий и теоретических методов в познании исторической действительности», в узком же смысле предполагает исследование «закономерностей, результатов и направленности крупных качественно-количественных изменений в истории (зарождения, роста и развития, упадка, распада, трансформации человеческих сообществ) путем заимствования из других наук, синтеза и проверки гипотез, моделей, теорий и сопоставления их с данными традиционной эмпирической истории» [4. С. 36].

Следовательно, речь идет не о том, что теоретическая история призвана подменить собой эмпирическую историю, речь идет об их взаимном дополнении. И Р. Коллинз придерживается аналогичной позиции: «Давно известно, что теория и эмпирическое исследование циклическим образом переходят друг в друга...» [2. С. 44]. Более того, он утверждает: «Вся история теоретически нагружена. Любая попытка скрыть этот факт приводит к плохой истории и плохой теории» [Там же. С. 42].

Эта идея вновь свидетельствует о глубокой связи методологии социального познания с методологией научного познания в целом, поскольку постпозитивизм указывает на теоретическую нагруженность эмпирического базиса науки. Во второй половине XX в. эта концепция стала проникать в методологию социального познания. Если в концепции французской исторической школы «Анналов» и концепции локальных цивилизаций А. Тойнби еще недостаточно четко эксплицированы их теоретические основания, то в концепции «глобальной истории» Ф. Броделя и концепции миросистемного анализа И. Валлерстайна их теоретические основания уже являются предметом рефлексии. В этом контексте методологические идеи Р. Коллинза представляют собой зримое воплощение характерной для современного социального познания тенденции к теоретизации.

Наконец, обращает на себя внимание то обстоятельство, что исследуемые Р. Коллинзом крупномасштабные процессы – революции, геополитические изменения роли государств на межгосударственной арене, динамика рынков – представляют собой долгосрочные структурные сдвиги. Поскольку в социальном познании обнаруживаются также модели антропологической и структурной истории, важно определить место теоретических построений Р. Коллинза в рамках этой дилеммы.

Ее основанием является двойственный характер социальных структур, которые, с одной стороны, представляют собой устойчивые долговременные паттерны отношений между людьми в социальной системе, но, с другой стороны, структуры воспринимаются самими людьми как нечто надындивидуальное, существующее независимо от их воли и сознания. Вследствие этого и возникает противоречие между человеческим наполнением социальных структур и их обезличенным функционированием.

Для структурной истории характерно либо сведение бытия людей к социальным структурам, либо объяснение их деятельности как обусловленной воздействием этих структур. К сторонникам этой модели следует отнести, прежде всего, Ф. Броделя и И. Валлерстайна. Антропологическая история на первый план выдвигает «людей во времени» (М. Блок), их сознание, воплощением чего служат исследования менталитета школой «Анналов» или анализ трансформации психологических установок западноевропейцев от эпохи Средневековья до нашего времени и связи этой трансформации с социальными и политическими изменениями (Н. Элиас).

Антропологический подход вовсе не исключает структурный подход, но в первом из них акцент отчетливо смещен на человеческое измерение истории. Различие этих подходов при отсутствии непреодолимой границы между ними состоит в том, как трактовать деятельность людей: либо как вытекающую из динамики структур, как некой реальности, существующей независимо от людей, либо как объяснимую пониманием самими людьми, почему социальные структуры должны быть именно такими, функционировать именно так, а не иначе.

Позиция Р. Коллинза по этому вопросу является неоднозначной. С одной стороны, возникновение капиталистических структур рассматривается им сквозь призму системы ценностей, и этот взгляд находится в русле антропологической истории. Критикуя М. Вебера, Р. Коллинз утверждает, что, во-первых, все мировые религии, а не только протестантизм, способствовали развитию капитализма, а, во-вторых, монашеские религии способствовали не упадку, а росту религиозной мотивации. Первыми предпринимателями были монастыри, и все институциональные пути развития капитализма в аграрно-принудительных обществах были созданы анклавами «религиозной экономики». Это общий тренд для Европы, Китая и Японии [2. С. 365–368].

С другой стороны, Р. Коллинз является ярко выраженным сторонником структурной истории, поскольку подчеркивает, что именно структуры претерпевают динамику и кризисы, «захлестывают и увлекают за собой каждого индивида в обществе», вовлекая его в процессы структурных трансформаций [Там же. С. 311]. Все проблемы, к которым он обращается в «Макроистории», последовательно трактуются именно с этой точки зрения. В частности, утверждает, что взрывы творчества интеллектуалов происходят в тех случаях, когда динамика социальных структур открывает для этого пространство свободы, однако само творчество не может предопределить, в каком направлении будут изменяться социальные структуры [Там же. С. 76–77].

Версия структурной истории Р. Коллинза обусловлена тем, что в центре его внимания находятся процессы макроуровня исторической реальности, а при таком взгляде ряд процессов, не относящихся к этому уровню, отступают на второй план. Аналогичная ситуация обнаруживается и в концепции миросистемного анализа И. Валлерстайна, в которой ориентация на глобальность зачастую приводит к недооценке процессов нижележащих уровней, стремлению редуцировать их к закономерностям современной миросистемы. В то же время структурную историю в любых ее версиях не следует рассматривать с позиции своего рода «тирании структур» по отношению к деятельности людей, речь должна, скорее, идти о том, какие социальные действия возможны и оптимальны в определенных и изменяющихся исторических условиях.

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, в концепциях исторической макродинамики Р. Коллинза обнаруживается та самая трехуровневая структура социального познания, о которой уже шла речь – метатеоретический уровень (системный подход, принципы кибернетики, элементы теории вероятности), уровень собственно социального познания (теории, объясняющие динамику экономики, политической сферы, сферы культуры) и уровень практического применения социального знания, заключающийся в возможности выработки долгосрочных стратегий социального действия, учитывая совокупность факторов, обуславливающих динамику государств.

В то же время метатеоретический уровень присутствует в научно-исследовательской программе

Р. Коллинза в имплицитной форме, поскольку он не анализирует возможности и ограничения трансляции в социальное познание его компонентов. И сама научно-исследовательская программа как форма организации знания, как справедливо отметил Н.С. Розов, у Р. Коллинза недостаточно эксплицирована, хотя фактически и реализуется. Тем не менее исследование Р. Коллинза свидетельствует о возможности установления тесных и плодотворных связей между философией и методологией науки, с одной стороны, и методологией социального познания, с другой стороны, необходимости теоретического осмысления исторического процесса.

Во-вторых, исследование Р. Коллинзом макроисторических процессов – геополитической динамики государств, революций как государственного распада, динамики рынков, возникновения и места капитализма в мировой истории, этнических процессов – осуществляется на высоком уровне теоретизации социального познания и сопровождается преодолением односторонности традиционной эмпирической исто-

рии, которая не в состоянии обнаружить в историческом процессе долгосрочные и универсальные законы-тенденции. При таком подходе акцент с неизбежностью смещается, прежде всего, на исследование социальных структур, изменения которых и обеспечивают реализацию долгосрочных макроисторических процессов. Поэтому теоретическая история у Р. Коллинза выступает в тесной связи со структурной историей.

В-третьих, все вышесказанное позволяет утверждать, что историческая макросоциология как исследовательская стратегия в целом обладает и зрелостью, и мощным теоретическим потенциалом, гносеологической состоятельностью. Однако главное заключается в том, что ее опыт указывает на невозможность для социального познания выполнять функции объяснения и предсказания без высокого уровня теоретической обоснованности. Это, пожалуй, главный урок весьма содержательной книги Р. Коллинза, противостоящий до сих пор широко распространенному представлению о ненужности теории для истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 1281 с.
2. Коллинз Р. Макроистория : Очерки социологии большой длительности. М. : УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
3. Sanderson S. Macrocology: Four Modern Theorists // Contemporary Sociology. 2007. Vol. 36. P. 591–592.
4. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М. : Логос, 2002. 656 с.
5. Макродинамика: Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / под. ред. Н.С. Розова. Новосибирск : Наука, 2002. 468 с. (Теоретическая история и макросоциология; вып. 2).
6. Goodwin J. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run by Randall Collins // Contemporary Sociology. 2001. Vol. 30, № 1. P. 72–73.
7. Разумов В.И. Ценное пособие по политической, экономической, военной и культурной истории (Рецензия на книгу: Коллинз Рэндалл. Макроистория : очерки социологии большой длительности) // Alma mater (Вестник высшей школы). 2015. № 12. С. 97–100.
8. Сандерсон С. Мегаистория и ее парадигмы // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под. ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 67–72.
9. Misztal B., Freundlieb D. The curious historical determinism of Randall Collins // European Journal of Sociology. 2003. Vol. 44, № 2. P. 247–269.
10. Terner J. Some Elementary Theoretical Principles on Geo-Politics and Geo-Economics // EurAmerica. 1998. Vol. 28, № 3. P. 41–72.
11. Карякин В. Геополитическая динамика Р. Коллинза и современность // Свободная мысль. 2010. № 1 (1608). С. 163–172.
12. Ершов Ю.Г. Р. Коллинз о крахе советской империи: поучительные выводы // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 114–120.
13. Hanneman R., Collins R., Mordt G. Discovering Theory Dynamics by Computer Simulation: Experiments on State Legitimacy and Imperialist Capitalism // Sociological Methodology. 1995. Vol. 25. P. 1–46.
14. Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 368 с.
15. Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist agriculture and the origins the European world-economy in the sixteenth century. N.Y. : Academic press, 1974. 410 p.
16. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М. : Академический проект; Триста, 2008. 475 с.
17. Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под. ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 13–26.
18. Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. Вып. 2. С. 17–41.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 1 ноября 2018 г.

Randall Collins's Macrohistory: Methodological Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 90–98.

DOI: 10.17223/15617793/440/12

Roman Yu. Tsarev, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: romanoromani@mail.ru

Keywords: historical macro-sociology; research program; theoretical history; structural history; general historical laws; nonlinear historical processes.

This article is devoted to the problem of substantiation of the structure and form of organization of social cognition, so that it can effectively perform the functions of explanation and prediction. To resolve this problem, the methodological analysis model of macro-historical dynamics by Randall Collins has been taken. It is established that Collins's model is organized in accordance with the model of Imre Lakatos's research program. It is noted that this model is the most optimal form of construction of social epistemology. The core of Collins's program is the Weberian thesis about the legitimacy of the state, its prestige of power, principles of geopolitical dynamics of states. The structure of the protective belt of Collins's program includes provisions on the role of communications and efforts to maintain them, the importance of diplomatic alliances; positive heuristics is formed by the idea of the leading role of geopolitics in relation to various spheres of society. On the basis of the provisions of the core of his program, Collins sets forth certain macro-historical hypotheses. These include the geopolitical hypothesis of revolution as a state disintegration, the geopolitical hypothesis of ethnicity and ethnic dynamics, the geopolitical hypothesis of democracy as a set of structures of collective power, the

“four-dimensional” model of modernization, the hypothesis of market dynamics in history (it replaces the concept of mode of production), the hypothesis of “self-transforming capitalism”. Collins complements this explanatory model with the prediction model, which is based on the hypothesis of general historical laws of Carl Hempel. The article shows that the heuristic capabilities of Collins’s program are explained by the implementation of these models, so that it brings social cognition to a high level of theorization. This is manifested in the justification of Collins’s thesis about the theoretical load of the empirical foundation of social knowledge. It is also important that Collins explains and predicts with the help of modern scientific concepts that are part of his program and are involved in the formulation of macro-historical hypotheses. Among these concepts are the principles of a system approach, cybernetics and elements of probability theory. Thus, the model of Collins’s macro-historical dynamics reveals the structure of social cognition consisting of three levels. The meta-theoretic level, by means of which the problems of social cognition are solved, forms modern scientific concepts. The middle level is formed by social theories that explain the dynamics of economic, political and cultural spheres. The lower level involves the practical application of social knowledge through the creation of long-term social action strategies. Collins’s model overcomes the one-sidedness of the narrowly empirical approach in social cognition, reveals the possibility of establishing close links between the latter and the methodology of science.

REFERENCES

1. Collins, R. (2002) *Sotsiologiya filosofiy: Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change]. Translated from English. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
2. Collins, R. (2015) *Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English. Moscow: URSS: LENAND.
3. Sanderson, S. (2007) Macrocosiology: Four Modern Theorists. *Contemporary Sociology*. 36. pp. 591–592. DOI: 10.1177/009430610703600650
4. Rozov, N.S. (2002) *Filosofiya i teoriya istorii* [Philosophy and theory of history]. Book 1. Moscow: Logos.
5. Rozov, N.S. (ed.) (2002) *Makro dinamika: Zakonomernosti geopoliticheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh izmeneniy* [Macrodynamics: Patterns of geopolitical, social and cultural changes]. Novosibirsk: Nauka.
6. Goodwin, J. (2001) Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run by Randall Collins. *Contemporary Sociology*. 30 (1). pp. 72–73. DOI: 10.2307/2654359
7. Razumov, V.I. (2015) Tsennoe posobie po politicheskoy, ekonomicheskoy, voennoy i kul'turnoy istorii (Retsenziya na knigu: Kollinz Rendall. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti) [A valuable textbook on political, economic, military and cultural history (Book review: Collins, Randall. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run)]. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. 12. pp. 97–100.
8. Sanderson, S. (2000) Megaistoriya i ee paradigmy [Megahistory and its paradigms]. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [Time of the World. Almanac]. Is. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
9. Misztal, B. & Freundlieb, D. (2003) The curious historical determinism of Randall Collins. *European Journal of Sociology*. 44 (2). pp. 247–269.
10. Turner, J. (1998) Some Elementary Theoretical Principles on Geo-Politics and Geo-Economics. *EurAmerica*. 28 (3). pp. 41–72.
11. Karyakin, V. (2010) Geopoliticheskaya dinamika R. Kollinza i sovremennost' [The geopolitical dynamics of R. Collins and modernity]. *Svobodnaya mysl'*. 1 (1608). pp. 163–172.
12. Ershov, Yu.G. (2016) R. Collins about the collapse of the Soviet empire: educatory conclusions. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 4 (60). pp. 114–120. (In Russian).
13. Hanneman, R., Collins, R. & Mordt, G. (1995) Discovering Theory Dynamics by Computer Simulation: Experiments on State Legitimacy and Imperialist Capitalism. *Sociological Methodology*. 25. pp. 1–46.
14. Turchin, P.V. (2010) *Istoricheskaya dinamika: Na puti k teoreticheskoy istorii* [Dynamics in history: On the way to theoretical history]. Moscow: Izd-vo LKI.
15. Wallerstein, I. (1974) *The Modern World-System*. Vol. 1: Capitalist agriculture and the origins the European world-economy in the sixteenth century. N.Y.: Academic press.
16. Lakatos, I. (2008) *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected works on the philosophy and methodology of science]. Moscow: Akademicheskii proekt; Triksa.
17. Hempel, C. (2000) Funktsiya obshchikh zakonov v istorii [The function of general laws in history]. Translated from English. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [Time of the World. Almanac]. Is. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
18. Boytsov, M.A. (1999) Vpered, k Gerodotu! [Go, to Herodotus!]. In: Bessmertnyy, Yu.L. & Boytsov, M.A. (eds) *Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii* [A case: the individual and the unique in history]. Is. 2. Moscow: RSUH.

Received: 01 November 2018